

Пушкинское переложение из "Книги Иудифь"

Отрывок "Когда владыка ассирийский...", о котором далее пойдет речь, принадлежит к числу тех произведений Пушкина, которые принято называть "загадочными". Загадочность заключается не в содержании самого отрывка, который, как известно, является стихотворным переложением 4 главы "Книги Иудифь", начатым Пушкиным в 1835 г., сколько в неясности причин, заставивших его обратиться в это время к этому сюжету. Непонятна и связь написанного текста с другими замыслами 1834-1835 гг. В ряду произведений Пушкина этот отрывок, превосходный по своим художественным достоинствам, стоит одиноко и почти не имеет традиции изучения. Впервые его (не полностью) напечатал П. В. Анненков в своих "Материалах для биографии Пушкина" (1855); в полном своем виде он стал известен только в середине 1920-х гг., когда были прочитаны и изданы рукописи Онегинского собрания. Анненкову же принадлежала и первая попытка его интерпретации: он поставил отрывок в контекст пушкинских замыслов, набросков и записей середины 1830-х гг., засвидетельствовавших интерес поэта к религиозно-историческим темам: "Странник", "Молитва", "Подражание италянскому", житийные повествования Пролога и Четых-Миней.

Анненков же обратил внимание на то, что Пушкин в середине своего последнего десятилетия черпает сюжеты из "легендарной поэзии Запада", изучая "способ создания картин и представлений религиозного содержания" — в испанском романе "Родриг", в переработке раннего замысла "Жил на свете рыцарь бедный", вошедшей в "Сцены из рыцарских времен"¹. Наблюдение это, хотя и высказанное бегло, оказалось весьма продуктивным и было принято последующими исследователями. Его нет никакой надобности оспаривать, но можно попытаться конкретизировать, и пояснить авторскую интенцию и самый характер связи с парал-

лельными замыслами. Настоящий этюд и представляет собой одну из таких попыток.

* * *

Действие в пушкинском отрывке разворачивается стремительно. В четырех начальных строках сконцентрировано содержание первых трех глав "Книги Иудифи": ярость Навуходоносора, карательный поход Олоферна. Следующие десять стихов — с описанием смятения народа, его мольбы к Богу о помощи и одновременно готовности к сопротивлению — опираются на четвертую книгу:

*Во все пределы Иудеи
Проникнул трепет. Иереи
Одели вретischem алтарь.
Народ завыл, обзятый страхом,
Главу покрыв золой и прахом, —
И внял ему всевышний Царь².*

"И всякий муж Исраилев, и жена, и дети, и живущии в Иерусалиме падоша пред лицем храма и посыпаша перстию главы своя пред лицем Господним. И олтарь вретischem одеяша, и возопиша к Богу Исраилеву... И услыша Господь глас их и призрел на скорбь их" (4: 11-13).

Эта часть представляет собой тщательно разработанную экспозицию. В исследовательской литературе уже обращали внимание на то, что изложение предыстории сюжета — первые четырнадцать строк — имеют сонетную форму, образуя в композиционном и интонационном отношениях относительно автономный текст, довольно близко следующий библейскому первоисточнику. Следующий фрагмент — уже более свободная его вариация:

*Притек сатрап к ущельям горным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным;
Стеной, как поясом узорным,
Перепоясались врата.*

*И над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине*

(III, 406)

Здесь библейский текст уже не перелагается, а дает импульс творческому воображению.

Опорными моментами целостной картины становятся несколько формул, рассыпанных в разных местах четвертой главы. "Узкие врата" горных ущелий — отсылка к стиху 7 "Книги Иудифи": "одержати восходы горней, нво ими бе вход в Иүдею" (отсюда ассоциация: "замок", запирающий вход); "и бе үдочно возбраняти их приходящих, теснү проходү сүщү". Пушкину нужен был контраст символических образных значений: "прекрасной высоты" и "теснины"³. С первой связаны понятия "свободы", "непокорства", "Божества", "победы"; со второй — "несвободы", "стеснения", возможно "угнетения".

Зрительный образ белой Ветилуи, торжествующей над теснотой ущелий, всегда останавливал внимание исследователей своей необыкновенной пластической выразительностью. Иногда в параллель к нему приводили подобный же образ в "Монастыре на Казбеке"; нам представляется функционально более оправданной аналогия с описанием статуи Петра в "Медном всаднике":

*И обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невойю
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне*

(V, 142)

В обоих случаях предмет с символическим и сакральным значением — строение, город, статуя — доминирует над тем, что "внизу"; величественная неподвижность — над стихийным движением, войной, бунтом. Нет надобности оговаривать специально, что символическое значение этих образов не тождественно, а в чем-то противоположно, но самая структура их близка, вплоть до поэтического и синтаксического оформления, вплоть до лексики ("в неколебимой вышине" — "в недостижимой вышине"); в обоих случаях описание венчает и замыкает собой целый фрагмент

текста, к которому присоединяется с помощью союза "и". Заметим при этом, что в "Медном всаднике", написанном всего за полтора-два года до анализируемого отрывка, это описание является важнейшим акцентным местом в общей композиции: оно повторяется с вариациями дважды, в сцене "бунта Невы" и в другой, предшествующей "бунту Евгения". Можно предполагать, что и описанию Ветилуи в пушкинском замысле отводилась не вполне обычная роль.

Пейзажная картина с нагорными укреплениями потребовала от Пушкина деформации исходного библейского текста.

В "Книге Иудифи" читаем: "И предприша вся верхи гор высоких, и оградиха стенами сущия в них села" (4, 5). "Предприша" — перевод с греческого (προκαταβονιο) и означает "перехватили"; в современных изданиях Библии переводится как "заняли все вершины высоких гор".

Пушкин, пользовавшийся для своего переложения славянским (а не французским) текстом, в данном случае столкнулся с лексическим архаизмом, которого не было ни в одном из современных ему словарей.

Так "Словарь Академии Российской" для слова "предпринимать, предприятие" дает только значение "намереваться, начинать, приступать к какому делу" ("предпринять путешествие, дело какое")⁴. Нужное значение Пушкин мог бы найти, напр., в "Лексиконе трехязычном..." Федора Поликарпова, но этим редчайшим изданием петровского времени он вряд ли пользовался. У Поликарпова читаем: "Предприемлю, προχαμβανα, ante capio, preaccipio, ante accipio, praesumo"⁵.

Со своим обостренным чувством языка Пушкин, конечно, мог бы восстановить первоначальный смысл слова по значениям морфем, однако — то ли затрудняясь в истолковании, то ли осуществляя свой особый замысел, — отказался от передачи первого предложения ("предприша вся верхи гор высоких") и сосредоточился на втором ("оградиха стенами сущия в них села"). Первоначальный вариант — "грозою грозится высота" — его не удовлетворил; после ряда проб, то реципирующих исходную библейскую формулу ("огородилась высота"), то удаляющихся от нее ("стеной венчалась высота", "[Стеной одета] [обвита]", "Стеной их блещет высота"), он останавливается на образе "стена, как пояс".

В этом месте рукописи на полях появляется рисунок пояса или стены в виде пояса⁶.

Зрительный образ воплотился в окончательном тексте:

*Стеной, как поясом узорным,
Препоясалась высота.*

"Препоясали", "препояша" связано с "темным местом" ("предприяша") близким звуковым и графическим сходством; нельзя исключить и возможность своего рода конъектуры. И самый выбранный Пушкиным глагол очень типичен для "библейского стиля": он окружен ореолом коннотативных значений. Именно на такой лексике Пушкин строил ранее свои "подражания Библии", например, "Пророка"⁷.

"Словарь Академии Российской" для глагола "перепоясываться" вновь дает только одно значение: "опоясывать себя"⁸, — но даже не выходя за пределы Библии, мы получаем значения, "отмеченные в позднейшем словаре И. И. Срезневского: "укрепить(ся)", "вооружить(ся)"⁹, ("И препоясал мя еси силою на брань" — Пс. 17: 40; разные вариации той же формулы — в 1 Цар. 2: 4; 2 Цар 22: 33; и др.; и даже "радостию холми перепояшутся" — Пс. 64: 13).

"Перепоясались" у Пушкина — и "опоясались", и "укрепились, вооружились"; весь образ принадлежит к семантическому полю "красоты, величия и силы", центром которого оказывается белый город, вознесшийся над тесниной.

Три заключительных четверостишия сохранившегося текста возвращают нас к библейскому первоисточнику, но с некоторыми примечательными отступлениями. В "Книге Иудифь" Олоферн, встретив сопротивление, "разгневался яростию зело" (5: 2) и созвал военачальников, чтобы получить у них сведения о неизвестном противнике.

Пушкинский Олоферн движим не только гневом, но и любопытством; он "смущен" и "изумлен".

Пушкин вновь интерпретирует библейский текст, на этот раз с психологической стороны, и ищет оснований для мотивировок в самой речи Олоферна, а, может быть, и в последующем его поведении.

Мотивировки эти достаточно сложны; они имеют противоречивую природу, вовсе не свойственную произведениям древней литературы или фольклора: смущение, изумление сатрапа в пушкинском понимании скорее всего означает и зарождающееся уважение к непокорному врагу. Отсюда и особая модальность его вопросов:

*Кто сей народ? и что их сила,
И кто им вождь, и отчего
Сердца их дерзость воспалила,
И их надежда на кого?..*

(III, 407).

Отсюда и особое внимание его к речи Ахиора ("склонил <к нему> и слух и взор"), в библейском оригинале не подчеркнутое.

Прочитированной строчкой оканчивается написанный Пушкиным отрывок, и все суждения о дальнейшем развитии сюжета опираются лишь на реконструкцию общего смысла в соответствии с содержанием "Книги Иудифь".

Несомненно, рассказ Ахиора должен был заключать в себе ответы на вопросы Олоферна, — те самые, какие были даны в источнике: восставший народ — израильтяне, претерпевшие много бедствий, так как уклонились от путей, предначертанных им их Богом; ныне же они вернулись к нему и в нем видят свою "надежду"; если теперь они не грешат против него, то ассирийско-му войску лучше удалиться, дабы не стать для всей земли предметом поношения (5: 1-22).

Ахиор не ответил лишь на один вопрос: кто их вождь. В распространенном нарративном тексте библейской книги это не существенно; в сжатом поэтическом рассказе вопрос не может быть оставлен без ответа. В общем смысле "вождем", обеспечивающим победу, оказывается Бог; но Пушкин, по-видимому, имел в виду более частный и конкретный смысл: в вариантах находим: "и кто их царь" (III, 1025).

Таким "вождем", не известным еще ни Ахиору, ни самим жителям Ветилуи, является Юдифь.

Обращение к этому образу было подготовлено целым рядом произведений Пушкина 1830-х годов; указывалось, в частности, на "Рославлева" (1831), героиня которого, Полина, мечтала убить Наполеона, пробравшись в его лагерь¹⁰; в свою очередь, Полина вдохновляется примером Шарлотты Корде (VIII, 155). Но это лишь один мотив из целого комплекса, прикрепленного к фигуре Юдифи, — хотя и весьма существенный: мотив женщины-мстительницы, спасающей отечество уничтожением его главного врага. Другая "европейская" аналогия обнимает и другую сферу мотивов. Речь идет о Жанне д'Арк. Эта фигура прямо попадает в поле зрения Пушкина в связи с переоценкой "Орлеанской девственницы" Вольтера, предпринятой им в пастихе "Последний из свойственников Иоанны д'Арк" (1836-1837); ему была отлично известна и традиция

литературной обработки этого сюжета в "Орлеанской девице" Шиллера по переводу В. А. Жуковского (1820-1821) и, возможно, по изложению в книге г-жи де Сталь "О Германии" (в "Последнем из свойственников Иоанны д'Арк" ощущаются явные следы чтения этой главы).

В лирической трагедии Шиллера целый ряд мест прямо ассоциируется с историей Юдифи: никому не известная ранее девушка (в "Иудифи" — вдова), воодушевленная наитием свыше, становится победительницей несметного войска врагов; свой подвиг она осознает именно как божественную миссию:

*Творец земли себя в смиренной девице
Явит земле... зане он Всемогущий¹¹.*

Сравните слова Юдифи: "посетит Господь Израеля рукою моею" (8: 33). Есть и более близкие соответствия: и Орлеан, и Ветилуя в безвыходном положении готовы сдать врагам, первый через 12, второй через 5 дней, если не подоспелет помощь (действие 1, явление 3; 7: 30-32); именно в этот момент и Юдифь, и Жанна являются на сцену. Сходны и описания рассеянного и бегущего вражеского войска.

Все эти "европейские" мотивы, почерпнутые как из средневековой, так и из современной истории ("Рославлев"), могли быть легко разобраны на материале, почерпнутом из "Книги Иудифь". Дело в том, что почти одновременно с "Когда владыка ассирийский..." Пушкин пишет прозаический фрагмент, где обосновывает такой метод исторических транспозиций. Мы имеем в виду начало повести "Мы проводили вечер на даче" (1835).

В этом наброске впервые с такой отчетливостью обрисовывается контур сильного женского характера, способного во имя чувства переступить через общественный этикет и даже сложившиеся этические нормы. По-видимому, в Вольской намечался современный вариант такого характера; исторической его проекцией оказывался характер Клеопатры.

К сюжету о Клеопатре, предлагавшей купить ее ночь ценою жизни, Пушкин возвращается как раз в 1835 году. В той же тетради ПД 836, где находится отрывок "Когда владыка ассирийский...", на лицевой стороне того же листа (л. 45) записана переработка импровизации итальянца для "Египетских ночей" ("Поэт идет, открыты вежды...").

Предполагается, что стихотворение "Клеопатра" (1828) — быть может, тоже в переработке — должно было составить содержание

второй импровизации — о Клеопатре. Монолог Клеопатры, заключающий этот фрагмент недописанного текста, должен обратить на себя наше внимание:

— *Клянусь... — о мать наслаждений,
Тебе неслыханно служу,
На ложе страстных искушений
Простой наемницей вхожу.
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
О боги грозного Аида,
Клянусь — до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утомлю
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утолю.
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь — под смертную секирой
Глава счастливец отпадет*

(VIII, 275-276).

Отвлекаясь от ситуативных и мотивационных различий, мы не можем не уловить здесь сходства с сюжетом "Иудифи". В отличие от остальных носительниц идей героического самопожертвования — Шарлотты Корде, Жанны д'Арк, Полины из "Рославлева", — она является к врагу именно как обольстительница и, возбуждая в нем желания и упоив вином, сама осуществляет казнь. Не подозревая того, Олоферн (не успевший коснуться Юдифи) в самом буквальном смысле платит головой за вспыхнувшую в нем страсть. Памятуя об определенном у Пушкина стремлении интерпретировать свои источники в соответствии с принципом "истины страстей, правдоподобия чувств", мы должны предполагать, что образ Олоферна должен был под его пером подвергнуться дальнейшей переинтерпретации, и что самая коллизия должна была быть значительно осложнена, — как именно, мы не знаем.

Отметим лишь еще одну, хотя и достаточно общую, параллель к истории Юдифи: именно, "Сказку о золотом петушке", оконченную годом ранее; здесь стихия слепой, иррациональной, неконтролируемой любовной страсти, воплощенная в Шемаханской царице, оказывается силой, способной разрушить царство Дадона и победить его войско.

Именно этот мотив ставится Пушкиным в связь с "нравами древности" и конкретнее — древнего Востока, и это в известной степени объясняет нам, почему наряду с Клеопатрой он в 1835 г. обращается к библейскому образу Юдифи. Три варианта "соблазнительницы" почти одновременно появляются в его творчестве: inferнальный ("Шемаханская царица"), эротически-сакральный (Клеопатра) и жертвенно-героический (Юдифь). "Книга Иудифь" могла дать ему и другие мотивы и коллизии, достойные углубленной разработки: хотя бы сцену, когда победительница несет в освобожденный город отрубленную голову своего врага и несостоявшегося любовника. Но обо всем этом мы уже лишены возможности судить.

Примечания:

- ¹ Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии..., изд. П.В. Анненкова. СПб., 1855, т. 1. с. 386-389.
- ² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 10-ти тт. Изд. АН СССР, 1948, т. III, с. 406. Далее ссылки на это издание указываются в тексте: том — обозначается римскими цифрами, страница — арабскими.
- ³ См. об этом: Э.В.Слининая. Неоконченное стихотворение Пушкина "Когда владыка ассирийский...". IN: Проблемы современного пушкиноведения. Межвузовский сборник научных трудов (ЛГПИ им. А. И. Герцена). Л., 1981, с. 30-32.
- ⁴ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. V. От П до С. СПб., 1822, с. 184.
- ⁵ Лексикон трехязычный, сиречь речений словенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по словенскому алфавиту... расположенное..., (М., 1704).
- ⁶ С.М.Бонди. Из "последней тетради" Пушкина. IN: Стихотворения А.С.Пушкина 1820-1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974, с. 395-397.
- ⁷ См. некоторые соображения на этот счет в нашей статье "Пророк". IN: "Аврора", 1980, № 8, с. 125-126.
- ⁸ Словарь Академии Российской., *ibid*, ч. V, с. 233.
- ⁹ И.И.Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Издание Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., т. II, 1895, с. 1683-1684.
- ¹⁰ Б.П.Городецкий. Лирика Пушкина. М. -Л., 1962, с. 426.

- ¹¹ В.А. Жуковский. Полн. собр. соч. В 3-х тт. Под редакцией, с биографическим очерком и примечаниями профессора А.С.Архангельского. СПб., 1906, т. I, с. 501.

THE ISRAEL ACADEMY OF SCIENCES AND HUMANITIES
THE HEBREW UNIVERSITY OF JERUSALEM
THE DEPARTMENT OF RUSSIAN AND SLAVIC STUDIES
THE CENTER FOR THE STUDY OF SLAVIC LANGUAGES AND LITERATURES
THE SLAVONIC BIBLE FOUNDATION (RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

JEWES AND SLAVS

Volume 2

Edited by: Wolf Moskovich (Jerusalem); Anatoly Alekseev (St.Petersburg);
Louis Allain (Lille); Samuel Schwarzband (Jerusalem)

THE BIBLE IN A THOUSAND YEARS OF RUSSIAN LITERATURE

Jerusalem 1994